

Александр БАЛТИН

«А ПОЭТ ВСЁ ЛЕЖАЛ НА ДИВАНЕ...»

* * *

Жили-были, водку пили,
Нас потом похоронили.
Неужели правда жили,
Жили-были, водку пили...

* * *

Мы двадцатого века ворочали глыбы,
Жесточайшие века познали изгибы,
Мясорубки Вердена, Амьен, Сталинград.
И прорывы сознания почти в запредельность.
Жизни вместе извели скуку-бесцельность.
И в искусстве давил сильно Черный квадрат.

Гейзенберг, давший квантамеханики город.
Лабиринты в мозгу проясняются — довод
В пользу сколь атеизма? Но Мендель — монах,
И епископом Ухтомский был... Самолеты

В даях неба плывут. Пруст поведает, кто ты,
По-иному, чем Павлов. Всех трогает страх.

Броносец зашел — да мы знаем! — в потемки.
Анекдотов и водки ядрены потоки.
Динозавром громоздок Союз, величав.
Бесконечность НИИ и кружков столь уютна.
Уповать на грядущее? Это безумно.
Но развал изменяет советский состав.

Был семнадцатый явлен походом за счастьем.
Девяносто же первый отмечен участием
Капитала, чья власть не читалась тогда.
Мы двадцатого века ворочали глыбы.
Говорить ли ему за ушибы спасибо?
Но ведь опыт ценнее всего, господа.

* * *

В пробирках Данте вызревавший ад
Густел всамделишностью давней жизни.
Круги, в которых ряд ползет на ряд
Существ, и все они тлетворны, лживы.

Другие — ад, и сам ты — личный, свой,
Привычный ад, своя болезнь и вирус.
Под смертную ли обретешь пятой
Покой? Ты часто думал, видя вынос.

Великолепье золотых аллей,
Предложенных кому-то в райских парках!
Поэзию скорей вином запей,
Как алкаши жизнь запивают в арках.

Алхимия времен творила миф,
Герметику зашифровавши в книгах.
Кто коды одиночества постиг,
Нуждается едва ль во громких вскриках.

Есть ад земной, где связи, и т. п.
Талант венчают с нищетой упорно,
Где деньги злой укор пошлют тебе,
В душе растившему златые зерна.

Есть рай земной, где чтение и где
Вспоминанья детства и прогулки.
И, мнится, я взлетаю, и т. д.,
Дойдя до самой сути переулка.

И есть лабораторные слова,
Творящие архитектуру текстов.
И здесь жизнь духа, что ясна едва,
Раскроется — вне суеты и жестов.

* * *

Расходясь с похорон, говорят
О таких пустяках, что нелепым
Предстаёт погребальный обряд,
Разорвавший житейские скрепы.

Или прячут тоску и испуг?
За спиною кресты остаются.
А учитель, товарищ и друг
Не вернётся, как все не вернуться.

Приглушённо звучат голоса,
За оградой мелькают машины.
А сознание страшат небеса,
И пугают большие глубины.

Потому говорят о семье,
О делах, о грибах, о соседях.
Потому позволяют себе
Раствориться в случайной беседе.

Ибо мучает плотский итог –
Красный ящик и чёрная яма.
И ложится осенний листок
На ступеньку высокого храма.

СИМФОНИЯ КОНЕЙ

Конский топот... Слышишь, кони мчатся!
Мудрые — у Свифта — мне милей,
С ними обречен не повстречаться,
Нитку жизни для среди людей.

Жеребенок так резвиться может,
Будто сущность бытия постиг.
Точно для него небесный Моцарт
Зазвучит и мудрость ветхих книг.

Кони... Гроздя мускулов тугие,
И глаза, вбирающие мир.
Ах вы, кони, кони дорогие –
До чего же он порой не мил.

Как вас били, бедные, хлестали,
Будто вы — игрушки для людей!
Точно злые люди отрицали
Преданность волшебную коней.

Проросли из вас кентавры — было
Это на античных берегах.
Двойственность изрядно погубила
Мыслей и людей. Ушли во прах.

Глянь-ка — деревянные лошадки,
Карусели: малыши летят
Вновь по кругу — счастье без оглядки,
Ибо детство отрицает ад.

А симфония коней судьбы порою
Не слышна, совсем приглушена –
Все равно дается нам живую
И великолепную она.

МОЛИТВА ЗА МАМУ

За маму бедную мою
Тебя, невидимый, молю.
Пусть поживёт подольше без
Таких неумолимых бед.
Пусть видит, как растёт внучок –
Чистейший радости исток.
Услышь! Заставь поверить во
Любовь твою, чьё торжество
Тщусь я увидеть на земле
На протяженье многих лет...

НАША АТЛАНТИДА

Главный остров был весьма помпезен,
Пышный храм главенствовал, высок:
Белый, в небосвод как будто врезан.
Небосвод, как световой исток.

Построенья крупными кругами
Остров окружали... Через врата
Проплывали корабли, и гамме
Плаванья никто и никогда

Не чинил препятствий... Порт обширный.
Ярусами шла столица вверх.
Жизни дух был изначально мирный,
Каждый благороден человек.

Храмы собирали свет, питая
Оным всех: от деток до седых
Старцев, что входили, умирая,
В мир, весьма известный для живых.

Ибо третий глаз открыт у всех был.
Приедаться стало нам добро.
Новые возникли храмы: вежи
Тьмы – мерцало золото, серебро.

Адские во храмах были танцы,
И людские жертвы в ход пошли.
И приятны многим стали также
Подлости смердящие кули.

Многих мудрецов предупредили
О крушение водном, мастеров –
Чтобы лучшее они продлили,
Силы взяв не от земных миров.

Вздыбилась вода стеной живою,
Рушились постройки, всё текло.

Храмы тьмы огромною волною
Страшно накрывало, тяжело.

Корни островов дробила сила
Нет какой сильней. Стенала плоть
Всякая, и погребенье было
Водное, как смерть, не обороть.

Горстка лучших уцелела, память
О золотых сберегши временах.
Гладкий океан не может плакать
О великих наших временах...

КОЕ-ЧТО О КОНЦЕ СВЕТА

Лето было или всё же нет?
Образы порой диктует бред.

Лезет на кафедру лобастый
Пустозвон и педант –
На кафедру докторскую променявший талант,
Лезет с мерзкой гримасой.

И кричит – Я рассчитал всё!
В садах расчётов произрастает истина!
Я утверждаю – скоро свет затмится траурной полосой!
И лоснится лысина.

Другие – доктора и профессора –
Зашумели – Как? Не верим! Быть этакого не может!
А оратор с кафедры возопил – Ура!
Светопреставление чувствую кожей.

СМИ, до сенсаций жадные,
Завыли, запричитали. И настали денёчки жаркие.

А поэт лежал на диване под бетоном депрессии
Дома.
Чётко знал – не нуждается мир окрестный в поэзии,
Вспоминал, что не набрать стихов для следующего тома.

По улицам тем временем шагали рядами стройными
Попы в облачениях, миллионеры с корзинами денег,
Интеллигенты – их участь всегда и всем быть недовольными,
Домохозяйки – эти от нечего делать.
Инженеры, давно забывшие, что такое зарплата,
Партийные лидеры – горлопанистые ребята,
Редакторы, оперные певицы, шоумены,
На машинах ехали бизнесмены,
Собиравшиеся скупить сокровища Ойкумены.
Все протестовали против открытия
Лобастого мудреца.
Не хотели, чтоб свет исчезал, кричали.
Звучали разные голоса.

Композиторы музыку сочиняли,
Бравурность которой опровергала возможность траурной полосы.
На башнях, на кирхах, на многих запястьях сверкали
Как-то по-новому весьма зловеще часы.
Но по утрам на сосудах травы выступали
Капельки зрелой росы.

А днём транспаранты люди несли, плакаты и флаги.
Не работали церкви, рестораны, магазины, конторы, банки.
Торговля по боку, не купишь элементарного: мыла, чернил, бумаги.
Ни помолиться, ни поменять валюту, ни скушать супа из жирной наваги.
Площади и проспекты патрулировали важные танки.

А поэт всё лежал на диване,
Видал строчки – они мерцали в тумане
Метафизическом,
Пока город заходил в экстазе мистическом,
До какого не было дела поэту,
Убеждённому, что никогда не исчезнет солнечный свет,
И не желающему мириться с тем, что лета более нет.